

Мое лучшее Рождество

– В то Рождество еще была жива королева Виктория, а мне было четыре с половиной года.

– А кем она была? Бабушкой королевы Елизаветы?

– Нет. Пра-пра-бабушкой.

– Ух ты! И ты ее помнишь?

– Да. Помню маленькую тучную даму в черном, как она ехала через парк в сопровождении королевской стражи. Открытое ландо ее везла великолепная пара быстроногих серых лошадей, а оркестр играл «Дорогу, дорогу, дорогу веселым парням».

– Ландо?

– Да. В ту пору автомобилей еще не было. Улицы были вымощены камнем, и так густо покрыты лошадиным навозом и грязью, что всем приходилось носить сапоги. Помню, оборванные мальчишки с чумазыми лицами подметали перекрестки и выпрашивали у прохожих полпенсовики. А иногда, чтобы привлечь внимание, они начинали ходить колесом.

– Ого, какой ты старый! А где ты встречал то Рождество?

– Дома, рядом с Уимблдон Коммон. У нас был большой дом, где было двадцать пять комнат и подвал для угля. Но ни электричества, ни лифта, ни пылесоса, ни холодильника, ни радио, ни телевизора у нас не было. Только тускловатые газовые лампы да каминные на углях. А еще огромный рояль.

– Это тогда придумали рождественскую ель?

– Да. Муж королевы Виктории, принц Альберт, которого еще прозвали Хорошим, привез их из Германии... Мы всегда ставили в гостиной большую ель. Каждый год на нее вешали одни и те же украшения из цветного стекла, и ни одно, заметь, не разбилось. Тогда вещи еще делались на совесть, да и люди обращались с ними более аккуратно... Мы, дети, обычно ждали снаружи в холодном темном коридоре, рассказывая друг другу страшные истории о привидениях. Ждать приходилось долго, час или даже больше, пока папа с мамой украшали ель и распределяли подарки.

– Они вешались на елку?

– Нет. У каждого из нас был свой стул или кушетка, или столик, которые покрывали белой льняной тканью, а на нее уже клали подарки. Но когда в конце концов дверь открывалась, и мы все вбегали в комнату, где сияла ель, словно усыпанное драгоценностями райское дерево, мы сначала должны были сложить руки в молитве и спеть «О верные Богу, радостно ликуйте!». Мама аккомпанировала нам на рояле и сильно нажимала на педаль, чтобы музыка играла еще громче. Под елью были сооружены ясли: со Святым Иосифом и Девой Марией, с Младенцем Иисусом, волком и ослом, и тремя волхвами. Потом во французское окно, которое выходило в сад, постучал Отец Рождество. Он вошел, помахал нам и сказал, что оставил своего оленя на конюшне в «Лебеде», что через дорогу, а потом пожелал нам счастливого Рождества. Он так жаловался на холод, что мой отец налил ему целый стакан

вишневого бренди. Он выхлебал его большими глотками и ушел обратно в густой туман, крича: «До встречи в новом веке!». Так я и запомнил дату – 1899 год!

– Расскажи, какие у тебя были подарки.

– Я получил музыкальную шкатулку, которая играла «Дом, милый дом», и две коробки солдатиков: «Королевские Фузилеры» и «Египетская верблюжья кавалерия», а еще игрушечный шлем и барабан, молитвенник в переплете из красного сафьяна, книгу раскрасок и заводную лошадку.

– Ты не обманываешь?

– Нет. Я помню весь список, потому что вскоре я попал в больницу со скарлатиной, и маме пришлось сжечь большую часть моих игрушек. Доктор сказал, что для малыша они заразны. Но моя любимая сестричка спрятала шлем и барабан в сарае с садовыми инструментами, и порой невесело так играла с ними, когда ее няни не было поблизости.

– А ты верил в Отца Рождество?

– Да, до того Путанного Рождества (о нем я расскажу позже), хотя он и носил такие же ботинки, как и дядя Чарльз. Но тогда ему не придавали такого большого значения, как это сейчас делает реклама. Рождество было не только весельем и играми. Это был день рождения Иисуса, в который мы все дарили друг другу подарки. В этот день полагалось благодарить Бога и быть особенно добрым ко всем вокруг. Ради подарков мы опустошали свои копилки. Помню, мы всегда дарили повару и горничной по парфюмированному мылу, по двухпенсовику кусок... В те дни нам выдавали по пенни в неделю, а еще иногда перепадали монетки от дядьев с тетками.

– Пенни в неделю. Что-то маловато... А ты вешал носки?

– Мы все вешали, а тот, кто в ту зиму плохо себя вел, получал уголь вместо миндаля, изюма, яблок, мандаринов, игрушки «Беззубый негр» и белых сахарных мышей с розовыми глазками и веревочными хвостами.

– Ого! А ты часто получал уголь?

– Никогда. Я всегда был хорошим, как наш принц Альберт.

– Ха-ха! Ну и что было в то Рождество?

– Мы принарядились и отправились в церковь, которая была украшена к празднику хризантемами и остролистом. А омелу вешать викарий не разрешил, он считал ее фривольной. Потом мы вернулись домой на рождественский обед. На него собралась вся семья: пять мальчиков (включая малыша), четыре девочки, и дядя Чарльз, который не мог провести Рождество дома, потому что от него ушла тетька Элис. Да, так вот, тогда подали индейку, рождественский пудинг и пирожки. Более того, наш повар когда-то служил у самого генерала Гордона и приготовил рождественский пудинг по рецепту, записанному его собственной рукой.

– А кто такой генерал Гордон?

– Его убили дервиши под Хартумом. Я как-то показывал тебе эту сцену в музее Мадам Тюссо.

– Правда? Не помню. Но давай, рассказывай дальше.

– Потом мы лопали хлопушки, надели короны из цветной бумаги и загадывали друг другу загадки...

– Какие?

– Например, «Почему Крюгер носил карманные часы»?

– Кто такой Крюгер?

– Президент Южно-Африканской Республики. В то Рождество уже два года шла англо-бурская война, и каждый уличный мальчишка насвистывал песенку:

«Долли, милая, простимся,

Расставанье душу рвет.

Но нужнее я на фронте,

Там, где бой сейчас идет...»

Но никого на самом деле не призывали, и эта война не особо чувствовалась. Жизнь текла как обычно. Бомб, танков и самолетов тогда еще не изобрели.

– А почему Крюгер носил карманные часы?

– Чтобы всегда знать, когда будет бить Де Вет.

– Не понял.

– Де Вет был одним из генералов Крюгера.

– Ну ладно, а что же ты делал вечером?

– Мы отправились в приходскую церковь на специальную службу для детей. Кино, как ты понимаешь, тогда еще не изобрели.

– Тогда почему ты говоришь, что это было самое лучшее Рождество?

– Потому что оно было самым настоящим.

– О!.. А что стало с домом в Уимблдоне?

– Его продали и поделили на шесть квартир... Думаю, теперь в нем живет шесть маленьких семей, и в Рождественский Сочельник там зажигается шесть крошечных елочек, скорее всего, искусственных, из проволоки и пластмассовой травы, с маленькими гирляндами разноцветных лампочек... И парочка стареющих няnek сидят там, потягивая шерри, и слушают рождественские песни по телевизору, пока молодежь танцует где-нибудь на праздничной вечеринке.

– Ну, я так скажу, это все же повеселее, чем петь гимны под рояль и загадывать загадки. Кстати, если я все еще в твоём списке хороших детей, что я действительно хочу на Рождество, так это парочку отличных барабанов бонго... А! И ты хотел что-то рассказать о том Путанном Рождестве.

– Да, это было двумя годами позже, когда дядя Чарльз постучал в одну дверь и сказал, что он – Отец Рождество, а сразу после того, как он ушел, в другую постучал дядя Боб, и сказал, что он – Санта Клаус.

– Да ну!